

## ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-90-95

### К ОСМЫСЛЕНИЮ ОСНОВ СОФИСТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ

© *Наталья Вячеславовна Мельничук<sup>1</sup>, Лев Геннадьевич Васильев<sup>2</sup>*

<sup>1</sup>*Приднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровье, Молдова;* <sup>2</sup>*Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, г. Калуга, Россия*

<sup>1</sup>*natki@inbox.ru* <sup>2</sup>*vasilevlg@tksu.ru*

**Аннотация.** Анализируются методологические основания до-сократических риторических подходов Протагора и Горгия. Исследование связано с потребностью теоретического осмысления ранних представлений о принципах публичного и межличностного речевого воздействия в ораторике, а также с необходимостью последующего критического анализа современного дискурса политической конфронтации. Выявляются принципиальные характеристики софистики и их оценка древнегреческими учеными и общественностью Афин с профессиональной и социальной точек зрения. Исследуются научно-фундирующие постулаты ораторики и эристики, опора на принципы философского релятивизма и эмпиризма, различия в трактовке этих подходов у основных представителей этого направления, а также параметры и аспекты критического анализа, предпринятого современниками софистов и более поздними авторами. Оценивается авторитетность данных подходов для их последователей.

**Ключевые слова:** риторика, софистика, релятивизм, Протагор, Горгий.

**Для цитирования:** Мельничук Н.В., Васильев Л.Г. К осмыслению основ софистической риторики // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 97. № 2. С. 90-95. doi: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-90-95

## PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

### On understanding the foundations of sophistic rhetoric

© *Nataliya V. Melnichuk<sup>1</sup>, Lev G. Vasiliev<sup>2</sup>*

<sup>1</sup>*Pridnestrovian state university of T.G. Shevchenko, Tiraspol, Transnistria, Moldova;* <sup>2</sup>*Kaluga state university of K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russian Federation*

<sup>1</sup>*natki@inbox.ru* <sup>2</sup>*vasilevlg@tksu.ru*

**Abstract.** The methodological foundations of pre-Socratic rhetorical approaches of Protagoras and Gorgias are analyzed. The research is aimed at clarifying the theoretical understanding of the early ideas of the principles of public and interpersonal verbal influence, as well as with the need for subsequent critical analysis of modern discourse of political confrontation. The article reveals principal characteristics of sophistry and their assessment by the ancients from professional and social points of view. The article examines the scientific-founding postulates of rhetoric and eristic, the reliance on relativism and empiricism, and the differences in the interpretation of these approaches among the main representatives of this trend. The degree of authority of these approaches for their followers and critics is assessed.

**Key words:** rhetoric, sophistry, relativism, Protagoras, Gorgias.

**For citation:** Nataliya V. Melnichuk, Lev G. Vasiliev On understanding the foundations of sophistic rhetoric. *The Humanities and Social Sciences*. 2023. Vol. 97. No 2. P. 90-95. doi: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-90-95

#### *Введение*

Исследование посвящено анализу подхода к риторике у софистов (5 в. до н.э. – Протагор, Горгий, Продик, Гиппий старший, Антифон, Фрасимах, Критий, Антисфен, Ликофрон и др.). По соображениям места и уровня значимости этих авторов мы ограничимся характеристикой подходов Протагора и Горгия. Актуальность такого анализа диктуется теоретически

не иссякающей потребностью дополнительной концептуализации научных достижений, а практически – важностью осмысленного выбора методов и техник риторики в нынешних условиях противостояния России и Запада. Простая фиксация приёмов речевого воздействия не позволяет заглянуть в существо устремлений пропагандистов, а его выявление, напротив, дает возможность понять и объяснить причины, предпочтения и сущностные изъяны основ рассуждений, применяемых в битве идеологий.

*Обсуждение.*

Термин *софист* изначально, в до-сократическую эпоху обозначавший *специалист*, не имел отрицательной коннотации, происходил от глагола *σοφίζεσθαι* – *изобретать, воображать* и применялся к выдающимся мастерам в своей области – поэтам, музыкантам, государственным деятелям [2, с. 91]. При жизни Сократа, однако, этот термин употреблялся применительно к определенной социальной группе профессиональных педагогов, обучающих за плату искусству красноречия. Они возводили свое происхождение к греческому героическому эпосу. Возможна и иная трактовка поэтического основания ранней софистики. Так, Протагор [10, 91 e–92 a] в речи, которую ему приписывает Платон [11], обвиняет Орфея и Мусея, Гомера (!), Гесиода и Симонида в том, что они использовали свою поэзию как маскировку – из страха перед весьма негативным отношением части греческого образованного общества к самому названию софистики.

Сходны замечания Плутарха [13] о Дамоне, софисте, ученике Продика и друге Сократа [7, 197d]. Дамон был известен как знаток музыки, но как софист и фактический наставник Перикла в политике использовал свою музыкальную репутацию, чтобы скрыть софистические пристрастия к красноречию (*динотис* – *δεινότης*), считая, что модусы музыки никогда не нарушаются без нарушения самых фундаментальных политических и социальных условностей – ср. замечание Платона [12, 400b, 424c], что его интерес к музыкальным модусам связан с вопросами их морального и социального воздействия [3]. Впрочем, отношение Платона к риторике основывалось на приравнивании её к софистике [7, 179 b]: фундаментальных научных разработок в области красноречия – даже у Протагора, Горгия и Продика, к которым сам Платон относился существенно терпимее, чем к остальным – в то время не существовало, что для Платона как мыслителя было, видимо, неприемлемо. Такое отношение можно считать предвзятым, если принять позицию его ученика Аристотеля, согласно которой риторика не может быть ни хорошей, ни плохой – существо оценки должно затрагивать не дисциплину, а ораторов и моральность их целей.

Можно сослаться в этом плане и на иных мыслителей и раторов. Так, Исократ в конце жизни в «Антидозе» защищал профессию софиста, которую приравнивал к своему собственному философскому идеалу, в значительной мере педагогическому, а потому намного более близкому к Протагору, чем к Платону. По Исократу, лучшая награда софиста – это видеть, как некоторые из его учеников становятся мудрыми и уважаемыми гражданами, а тех, кто правильно использует философию, не следует винить за нескольких позорящих профессию софистов. Это то, что характеризует профессиональное отношение мыслителей к софистам.

Что касается социальной оценки их деятельности, то отношение афинской общественности к софистам было двойственным, отражая переходную ситуацию афинской социальной и интеллектуальной жизни. Софистам не составляло труда найти состоятельных учеников или аудиторию для публичных лекций и демонстрационных речей. Тем не менее, некоторые из аристократов решительно не одобряли их, ведь софисты были не гражданами Афин, а чужеземцами, чей талант перерос границы их собственных небольших городов. Некоторые из них отправились в Афины с официальными миссиями, как Горгий, чтобы выступить в защиту Леонтии против Сиракуз в 427 г. [9, 229 b] и воспользовались возможностью, представляя дело своих городов перед Советом, во время тех же визитов проводить платные занятия и демонстрации [9, 282 b-c]. В Афинах, центре эллинской культуры на пике их могущества, софисты вполне могли жить в материальном достатке, хотя и без перспективы самим стать политическими деятелями; поэтому они использовали свои таланты для обучения других.

Социальное неодобрение было связано и с особенностями учения софистов. В Др. Греции не было предубеждений против зарабатывания на жизнь как такового. Так, Сократ был сыном каменщика и, вероятно, сначала занимался тем же ремеслом, но это никогда не ставилось ему в вину. Проблема заключалась в содержании обучения, которое практиковали софисты; речь идет прежде всего о принципе ἀρετή (арете – добродетель как основа бытия) – и здесь важнейшим был моральный фактор. По Сократу, арете несоместимо со взиманием денег: принимая деньги, софисты лишали себя свободы (читай: добродетели), ибо были обязаны общаться с любым, кто мог заплатить им гонорары, тогда как добродетельный гражданин имел возможность наслаждаться обществом любого, кого выбрал сам. Помимо этого, ученики должны учиться у учителя принципам добра и борьбы со злом, и он несет ответственность за тех, кто отступит от арете – в противоположность мнению Горгия [10, 460а; 4, с. 27–54].

Сами занятия проходили в частных домах, в общественных местах или в портиках. Основными методами обучения были эпидейктическая (демонстрационная) речь и ответно-вопросная сессия. Речь представляла собой заранее подготовленное выступление, как правило, с записанного текста (ср. троянские диалоги Гиппия и речи Горгия в Олимпии (с темой Ομόνοια «согласие») и Афинах (эпитафия по погибшим в битве) [4, с. 27–54]. Вопросно-ответный дискурс, не предусматривавший предварительного заучивания выступления, дал начало сократическому методу.

Перейдем к научно-методологическим основам рассматриваемой парадигмы. Когда мы говорим о софистике как об эпохе в риторике, неизбежен вопрос: а существовало ли это направление как отдельная школа? По-видимому, дать утвердительный ответ на это можно лишь с большой долей приблизительности. В целом можно сказать, что софисты были релятивистами, считавшими, как сам Протагор, что μέτρον χρημάτων ἀνθρώπος ‘мера всех вещей есть человек’ (при этом *мера* понимается как *критерий*, который в риторике связан со словом, а оно используется для объективации знаний и ощущений как средств познания вещей – точно так же, как существуют инструменты для измерения размера, количества и веса) [4, с. 183]; следовательно, истина (и потому мораль) связана с логосом; но тогда мера – вещь условная и относительная, ее каждый может понимать по-своему: это принципиально ограниченное у Протагора понимание целей и задач бытия.

Протагор и в самом деле не был профессиональным философом, но свой знаменитый тезис он едва ли осмысливал, как ему приписывалось, еще и атеистически – скорее, речь шла о том, что мы не можем познать богов и божий промысел: Протагор лишь указывал на ограниченность человеческой способности к познанию, а что касается вопросов морали, то постановка во главу угла добродетели была лично для него весьма характерна [2, с. 100–101]. Для Протагора, как и для, например, Гераклита, принципиальным, на наш взгляд, было именно единство противоположностей (которое проявляется в разных ситуациях с разными людьми, не меняя существа меры), а не отрицание одного оппозита другим. Такое отстаивание сосуществования противоположностей становится понятным, если принять, что объединяющим их фактором являлся *логос* (слово в широком смысле), который позволял людям не замыкаться в собственном мирке индивидуальной мудрости, а наоборот, помогал в общении и обмене идеями.

Видимо, это связано с противопоставлением реальности (которая экзистенциальна) и ее восприятия (которое эпистемологично). Впрочем, это не означает, что тот же вывод делал сам Протагор: по мнению [4, с. 186–187], он полагал, что существо вещей не познаваемо, поскольку реальны лишь наши восприятия, но связано это было не в последнюю очередь, с его неприятием натурфилософии, которая отстаивала разнообразие вне связи с объединяющим его общим. А вот возможность усмотрения противоположностей и отстаивания то одной, то другой из них позволяет ритору интеллектуально развиваться.

Сам тезис Протагора изначально имел гносеологический характер, но взятый односторонне привел к возникновению второй (наряду с ораторикой) стороны софистической рито-

рики – эристике, стремлению доказывать что угодно, не зная предмета и не заботясь о добродетели. Это характерно не для основоположников-интеллектуалов софистики, Протагора и Горгия, а для поздних софистов, которые доказывали, что все мнения людей ложны (в силу принципа релятивизма), а добро и зло относительны. На место поиска истины выдвигается победа любой ценой – вышучиванием, парадоксами, намеренной многозначностью и т.п.

Перейдем теперь к освещению части наследия второго из выдающихся столпов софистики – Горгия, который, в отличие от Протагора, был не собственно методологом риторики, а ее пламенным трибуном. Это, пожалуй, самый известный из софистов, оставивший свой след в риторике. Предполагается, что он был учеником философа Эмпедокла и, возможно, хорошо знал Коракса или Тисиаса (риторические наставления последнего, между прочим, иногда считаются превосходящими наследие самого Аристотеля [4, с. 51–54]). В 427 г. в бытность послом в Афинах его замечательный ораторский стиль стал модным и снискал большую популярность. Приемы, которые он использовал, были в основном заимствованы из греческой поэзии и по отдельности использовались в аттическом греческом (языке Афин) до его прибытия, однако он использовал их в беспрецедентной степени.

В устах Горгия ораторское искусство превратилось в причудливое переплетение и полифонию рифмующихся слов и схожих ритмов. Тектоническим принципом речестроения у Горгия послужила тезисно-антитезисная структура, присущая древнегреческому синтаксису (по крайней мере, в поэзии). Такая структура требует не только противоположения идей, но и единства противопоставительной формы; иначе говоря, названная оппозиция в разных частях текста должна манифестироваться посредством сходной грамматической структуры. Предложения выстраиваются на основе принципа строгого параллелизма в грамматике и ритмике и – длине слов, вплоть до выравнивания количества слогов в каждом [5]. Это называется горгианским стилем. Конкретные устройства, на которых он основан, были одними из первых, отмеченных в справочниках, возможно, учениками Горгия, и именуется ‘схемами’, или ‘фигурами’. Описания этих фигур, послуживших впоследствии своего рода основой художественного высокого стиля, уже попадают в риторические трактаты 4 в. до н.э. Во времена же самого Горгия им широко подражали, например, историк Фукидид, ораторы Лисий и Исократ, но с меньшим фанатизмом, чем их создатель.

Причины столь ревностного внимания Горгия к фигурам в риторической науке до конца не установлены. Но, несмотря на невысокое мнение о Горгии как о мыслителе у Платона (что, думается обусловлено почти повсеместным жестким неприятием у Платона софистики вообще), в некоторых современных исследованиях считается что Горгий был серьезным философом-пифагорейцем, интересовавшимся онтологией и эпистемологией.

Горгий разделяет с философами интерес к противоположностям и любовь к антитезису. Так, в его трактате «О несуществующем», или «О природе» (сохранился в виде набросков) используется разновидность вероятностной аргументации: *ничего не существует, а если даже что-то и существует, оно непостижимо для человека, и даже если бы это было постижимо, его было бы невозможно передать*. Этот напоминающий стандартный сорит аргумент подкрепляется выявлением и устранением альтернативных возможностей. Такая точка зрения является не только умным парадоксом и примером техники, но и, в многом, философским утверждением.

Следовательно, поскольку истина не может быть познана рационально, функция оратора заключается не столько в логической демонстрации, сколько в эмоциональном представлении, которое пробудит в аудитории желание верить. Таким образом, для Горгия сила убеждения включает в себя обман эмоционального и ментального состояния слушателей путем искусственного стимулирования психосоматических реакций с помощью слов. Горгий иногда предстает также как философ, развивающий концепцию софистического логоса и устанавливающий целостность противоположностей, в частности, физического и духовного, так что софистический логос обретает феминный характер [1].

Чтобы доказать свою точку зрения о том, что убеждение, связанное со словами, может формировать умонастроения людей по усмотрению ратора, Горгий в Восхвалении Елены приводит три соображения об источниках учения софистов [14, с.13]. (1) Теории естествоиспытателей, каждый из которых думает, что он владеет секретом вселенной, но на самом деле лишь противопоставляет одно мнение другому. (2) Неизбежные состязания и дебаты практической жизни, где одна-единственная речь может восхитить и убедить толпу только потому, что она художественно и умно составлена, а не потому, что в ней содержится правда. (3) Споры философов, которые ведутся только для того, чтобы показать быстроту, с которой мысль может продемонстрировать изменчивость мнений и верований.

В такой атмосфере неудивительно, что благосклонность получила эпистемология, согласно которой «то, что кажется мне, это для меня, а то, что кажется вам, это для вас», и что ни один человек не может быть в состоянии противоречить другому. Мнение же о Горгии как о «маге», по-видимому, подтверждается общей реакцией на него в древности. Его регулярно представляли как ратора, а не как философа, и цитаты или ссылки на него у древних писателей в основном относятся к речам.

#### *Выводы.*

Софистика у Протагора во многом основывалась на принципах релятивистского эмпиризма, причем в его крайних, граничащих со скептицизмом проявлениях – когда отрицались возможности определенного знания, на основании как неадекватности и подверженности ошибкам наших способностей, так и отсутствия стабильности, изменчивости реальности, которую нужно познать. Знание мыслилось как существующее только относительно воспринимающего субъекта. Поэтому в научно-педагогическом отношении частью риторического обучения было научить ученика отстаивать с равным успехом обе стороны вопроса.

Поскольку, согласно Протагору, по каждой проблеме есть два аргумента, противоречащих друг другу, он стремился научить своих учеников и хвалить, и порицать одни и те же вещи и, в частности, подкреплять более слабый аргумент так, чтобы он казался более сильным. Преподавание риторики не ограничивалось собственно ораторикой, т.е. формой и стилем, но имело дело также с содержанием того, что было сказано, а принцип нигилизма внушал веру в то, что вся истина относительна и никто ничего не знает наверняка. Истина, по учению софистов, индивидуальна и временна, а не универсальна и долговечна, и истина для любого человека – это просто то, в чем его можно убедить, а любого можно убедить и в одном, и в обратном, поэтому существовать может вера, но никак не знание.

Философский подход к Горгию, ценный тем, что он связан с другими интеллектуальными достижениями 5 в. до н.э., вероятно, приписывает ему нехарактерную силу концептуализации. Горгий подражал тому, что он находил в философах, так же, как и тому, что он находил в поэтах, но не как отражению теории познания, а как технике речи. Значение Горгия для софистического направления в риторике – это его отстаивание силы оратора добиваться всего, чего он пожелает, делать великие дела малыми, а малые – великими. Эту технику Горгий иллюстрировал и обучал других, предоставляя им модели для подражания. Сами же горгианские фигуры можно рассматривать как особые приспособления собственно ораторики, с помощью которых Горгий стремился достигать речевоздействия, в известной степени завораживая аудиторию. Это техники, которые разжигают страсти или овладевают умом и побуждают слушателя к бессознательному согласию с говорящим.

#### **Список источников**

1. *Хахалова А.А.* В поисках иного тела логоса: «Похвала Елене» Горгия // Платоновские исследования. 2020. Т. 13. № 2. С. 266–284.
2. *Шестов Л.* Лекции по истории греческой философии. М., Париж: Русский путь, 2001. 305 с.
3. *Anderson W.D.* The Importance of the Damonian Theory in Plato's Thought // TAPA. 1955. P. 88–102.

4. *Guthrie W.* The Sophists. New York: Cambridge Univ, Press, 1971. 345 p.
5. *Kennedy G.A.* Classical Rhetoric and Its Cristian and Secular Tradition from Ancient to Modern Times. Chapel Hills: The University of North Carolina Press, 1980. 291 p.
6. *Plato.* Hippias Major // Early Socratic Dialogues. New York etc.: Penguin, 1987. P. 231–266.
7. *Plato.* Laches // Early Socratic Dialogues. New York etc.: Penguin, 1987. P. 83–115.
8. *Plato.* Gorgias. – URL: <https://www.platonicfoundation.org/>
9. *Plato.* Hippias Major. – URL: <https://www.platonicfoundation.org/>
10. *Plato.* Meno / Transl. by B. Jowett. – URL: <https://litbit.ru/en/plato/meno>
11. *Plato.* Protagoras. – URL: <https://www.platonicfoundation.org/>
12. *Plato.* The Republic. – URL: <https://freeclassicebooks.com/Plato>
13. *Plutarch.* Pericles. – URL: <http://classics.mit.edu/Plutarch/pericles.html>
14. The Encomium of Helen by Gorgias of Leontini / Transl. by B. Donovan. – URL: <https://faculty.bemidjistate.edu/bdonovan/helen.html>

### References

1. *Khakhalova A.A.* Looking for the ‘altera pars’ of the logos: The Encomium of Helen by Gorgias // Platonic research. 2020. Vol. 13. No 2. Pp. 266–284.
2. *Shestov L.* Lectures in the history of Greek philosophy. Moscow; Paris: Russian way, 2001. 305 p.
3. *Anderson W.D.* The Importance of the Damonian Theory in Plato’s Thought // TAPA. 1955. P. 88–102.
4. *Guthrie W.* The Sophists. New York: Cambridge Univ, Press, 1971. 345 p.
5. *Kennedy G.A.* Classical Rhetoric and Its Cristian and Secular Tradition from Ancient to Modern Times. Chapel Hills: The University of North Carolina Press, 1980. 291 p.
6. *Plato.* Hippias Major // Early Socratic Dialogues. New York etc.: Penguin, 1987. P. 231–266.
7. *Plato.* Laches // Early Socratic Dialogues. New York etc.: Penguin, 1987. P. 83–115.
8. *Plato.* Gorgias. – URL: <https://www.platonicfoundation.org/>
9. *Plato.* Hippias Major. – URL: <https://www.platonicfoundation.org/>
10. *Plato.* Meno / Transl. by B. Jowett. – URL: <https://litbit.ru/en/plato/meno>
11. *Plato.* Protagoras. – URL: <https://www.platonicfoundation.org/>
12. *Plato.* The Republic. – URL: <https://freeclassicebooks.com/Plato>
13. *Plutarch.* Pericles. – URL: <http://classics.mit.edu/Plutarch/pericles.html>
14. The Encomium of Helen by Gorgias of Leontini / Transl. by B. Donovan. – URL: <https://faculty.bemidjistate.edu/bdonovan/helen.html>

*Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 05.02.2023; принята к публикации 15.02.2023.*

*The article was submitted 25.01.2023; approved after reviewing 05.02.2023; accepted for publication 15.02.2023.*